

МОИ МАМА, ПАПА И СЕСТРА ВАЛЯ

3 октября исполнится 13 лет с того дня, как умерла моя мама, и я хочу сейчас рассказать о ней. Как я уже писала, она была без всякого образования, но была интеллигентным человеком. У нас в доме никогда в жизни не употреблялись плохие слова, ругательства, и весь стиль нашей жизни был таков, что нам, детям, не приходилось стесняться наших неграмотных родителей. Главой в доме была мама. И так как она сама не получила образования, то, наверное, её мечтой и целью в жизни было дать образование своим детям. И от неё это желание, вернее, свойство характера, передалось даже в третье поколение, потому что такое же огромное стремление дать образование, да ещё всестороннее, своим детям проявляется и у моих детей по отношению к внукам.

Тема образования в нашей семье – первостепенная. Я-то училась в тяжелые годы, будучи дочерью лишенцев, а для моей сестры Вали мама делала все возможное, чтобы дать ей возможность окончить институт. Мама содержала её материально, платила репетиторам, но и Валя стремилась сначала получить диплом в институте иностранных языков (английский факультет), а уж потом выйти замуж. И её будущий муж, Зяма, ухаживал за ней три года, потому что она сказала ему, что не выйдет замуж пока не окончит институт.

Так все и случилось: она вышла замуж перед самым распределением – 20 марта 1948 г. Мы приехали из Риги на свадьбу, которую отпраздновали в нашей квартире на Малом проспекте в течение двух дней. Жили они тоже с нашими родителями. Зяма окончил институт связи имени Бонч-Бруевича и как отличника учебы его послали в военную Академию связи, по окончании которой он стал военным инженером-связистом. Был он очень способным и продвигался по службе, дойдя до звания подполковника. Тогда были в моде военные женихи. И Вале очень нравилось, что он военный, да и ещё его морская черная форма. Но его вскоре послали в Пилау, бывший немецкий город, а Валя по распределению должна была работать в мужской школе (тогда ещё было раздельное обучение), и они встречались либо во время каникул в школе, либо Валя ездила к нему. Но туда нужно было получить пропуск. Либо они встречались в Риге у нас: Валя приезжала из Ленинграда на несколько дней, а Зяма – из Пилау. Валя не хотела бросать Ленинград, боялась лишиться ленинградской прописки. Детей у них не было. Дочка Риммочка родилась только через 9 лет после их бракосочетания, т.е. в 1956 г. в октя-

бре месяце.

К тому времени, когда родилась Риммочка, Зяма уже получил перевод сначала в Военно-морское училище в Пушкине Ленинградской области, а потом в Кронштадт в качестве заместителя начальника связи Кронштадта. Мог получить там квартиру и взять туда семью, но Валя ни в коем случае не хотела оставлять Ленинград, так она его любила. Когда родилась Риммочка, она перестала работать и жили только на Зямину зарплату, которая была довольно высокая. Взяли домработницу в помощь. Мама ничем помочь уже не могла, она перенесла инфаркт во время Валиной беременности и родов, и я приезжала тогда ухаживать за мамой.

Риммочка росла очаровательной, красивой и умной девочкой. Её родители, конечно, тряслись над ней так, что провожали её в школу, по-моему, вплоть до 8-го класса. Она училась далеко – в английскую школу ехать нужно было троллейбусом

Sofa's sister Valia.

**Sofa's sister Valia with husband Zyama and daughter Rimma.
Russia.**

НАШИ ДЕТИ

Вот так и шла жизнь. Дети вырастали. Инночка уже заканчивала школу. Её должны были принимать в комсомол. Она очень готовилась к этому событию, так как в Союзе это было обставлено именно как событие. Но в это время с ней произошел такой непредвиденный случай: учительница по литературе Тамара Ивановна задала подготовиться дома к классному сочинению. Инночка подготовилась и написала его на черновике. Придя в класс, она положила его на парту и стала переписывать начисто. Учительница, увидев это, отобрала у неё сочинение. А вечером на комсомольском собрании, когда Инночку должны были принимать в комсомол, заявила, что она ещё не доросла до комсомола, поскольку совершила такой аморальный поступок. Но Инночка ответила, что она ведь переписывала своё собственное сочинение, почему же это аморально? В общем, ей сказали, чтобы она исправилась – через два месяца её будут принимать во второй раз.

Она пришла домой вся в слезах. Это был первый «щелчок», первая травма в жизни, которую она получила. Через два месяца её действительно приняли в комсомол и даже похвалили, что она всё правильно поняла, исправилась, а не обиделась на комсомол как некоторые другие. Девочка она была скромная. Ходила всегда с заплетенными косами. А ещё требовала, чтобы ей заплетали четыре косички, а не две, чтобы волосы не вылезали. Всегда ходила в школу в форменном платье с передником, а капроновые чулки надела впервые на выпускной вечер. А ведь это была мечта всех девочек. Но зато на выпускной вечер я ей сшила белое капроновое платье, тогда это было модно, заказала туфельки на каблучке. Пошла с ней в парикмахерскую и ей подрезали волосы и сделали завивку. Она была такая свежая и красивая девочка, беленькая, с румянцем на щеках, как кукла.

Я была в родительском комитете и участвовала в подготовке выпускного вечера в школе. Марк и я пошли на этот вечер и получили, конечно, большое удовольствие. Мы жили тогда на даче и это было последнее дачное лето.

Да, забыла рассказать, когда Инночка готовилась к выпускным экзаменам, у неё вдруг образовался нарыв подмышкой, который её очень мучил. И никакими домашними средствами не удавалось от него избавиться. И мы решили пойти в поликлинику к хирургу. Чтобы не отвлекать её от занятий надолго, я пошла сама в поликлинику и заняла очередь, а потом позвонила ей, что-

бы она пришла. Когда мы вошли с ней в кабинет врача, то увидели молодого интересного доктора. Он принял её за маленькую девочку. Она ведь была ростом всего 150 см, но узнав, что ей 17 лет, он стал говорить с ней по-другому. Она ходила к нему каждый день на перевязки, они познакомились поближе, он стал за ней ухаживать и бывать у нас дома, а потом и на даче. Вот он-то, гуляя с ней, так интересно описал профессию врача, что она решила поступать в медицинский институт, хотя очень любила химию и до этого собиралась на химический факультет. Она стала готовиться к экзаменам в институт с частными преподавателями, а потом оказалось, что набора на русский поток в Риге не будет, и я поехала с ней в Москву, а оттуда в близлежащий город Ярославль, где принимали абитуриентов больше, чем в других городах. Мы надеялись, что если она туда поступит, то проучится год, а потом мы переведем её в Ригу.

Но хотя она была хорошо подготовлена, её не приняли, потому что они понимали, что это будет кадр не для их города или области. И мы уехали не солоно хлебавши, а только истратив много денег. В доме был буквально траур. Инночка вначале даже никуда не хотела ходить. Ей было стыдно, что она не поступила в институт. А я ей сказала, что сразу с первого сентября она начнет заниматься с преподавателями и готовиться в институт. И она действительно занималась по физике, химии, английскому и немного по литературе. А кроме того, мы устроили её работать в аптеку, чтобы она имела стаж в медицинском учреждении. Всё это вместе взятое дало, конечно, свои результаты, и в 1959 г. она поступила в Рижский медицинский институт на стоматологический факультет, сдал экзамены с блеском и получив стипендию за первый семестр по оценкам сданных экзаменов.

А Жозик кончил тогда 7 классов. Я ходила с Инночкой в институт на все экзамены и вместе со многими родителями сидела в вестибюле и «болела», переживала, как она сдаст. Это было большое эмоциональное напряжение. Да, к тому времени, когда Инночка была в 10 классе, нам удалось поменять нашу квартиру со Стрельниску на Рупинецибас на большую, то есть 2,5 комнаты на 3,5 комнаты. Теперь наши дети получили по изолированной комнате, а у нас была спальня 24 кв.м., столовая 23 кв.м. и Инночкина комната 16 кв.м. И была ещё «девичья» 4 кв.м. при кухне, что-то вроде комнаты для домработницы.

Но мы там устроили комнату для сына, и он был очень рад, поскольку в старой квартире спал с нами в одной спальне. Эта

квартира соответствовала всем моим желаниям. Всё, о чем я мечтала всю жизнь, воплотилось в этой квартире. И мы прожили в ней 20,5 лет до самого отъезда в Америку. И живя уже в Америке, я долго скучала по этой квартире и по Рижскому взморью. Другой ностальгии у меня не было, Слава Богу. До нас в квартире жил бывший работник НКВД, проработавший в органах 33 года, латыш, вдовец. После смерти жены он женился на русской санитарке из спецбольницы, где лежал, а она не хотела жить в доме НКВД, где ее буквально съедали поедом.

Дом был как крепость. Входные двери были всегда закрыты на ключ, и у всех жильцов, даже у детей, были свои ключи, которыми открывали парадную дверь. Парадная была очень чистая и красивая, а свет выключался автоматически. Мы переехали туда 18 декабря 1958 г. и были в этом доме как инородное тело, хотя все здоровались при встрече друг с другом – и взрослые, и дети. Летом все жильцы уезжали на дачу, и мы в том числе. Но после одного инцидента мы поняли, что собой представляет эта «Лубянка». На другой день после нашего возвращения с дачи к Жозику пришли три мальчика смотреть телевизор. Тогда ещё телевизор был новинкой и не во всех домах. После 10 ч. вечера, когда дети стали расходиться по домам, я включила автоматически свет в парадной и решила выпустить сначала одного мальчика, чтобы они вместе не создавали шума на лестнице. Он стал спускаться, и в это время свет погас, и он в темноте наткнулся на каких-то людей и от испуга закричал.

Оказалось, возвращались домой соседи со второго этажа, и отец нес спящую девочку лет 5-ти на руках. Она испугалась и заплакала. В это время уже вышли остальные два мальчика, а я зажгла ещё раз свет. Жозику же в это время понадобилось в туалет. Этот сосед был тоже работник органов. Он поставил свою дочку у своей двери или отдал жене, а сам отхлестал всех троих мальчиков по щекам и ещё поднялся на пол-этажа выше к нашей квартире и надавал пощечин Жозику, который в это время стал спускаться, чтобы открыть парадную мальчикам. У него долго была вся пятерня на щеках. А жена этого Зуева, по-моему, полковника, тоже поднялась на 1/2 этажа и, грозя мне пальцем, кричала: «Сволочи, ишь новые хозяева появились».

Я же от всего этого потеряла дар речи и ни слова не ответила, просто не могла говорить. И все последующие 20 лет в этом доме я эту семью не замечала, не здоровалась и не проявляла ничего даже когда этот Зуев умер. Для меня они после этого случая

уже все умерли. Между прочим, в этом доме было 14 квартир, и мы были единственными евреями. У нас не было никакого общения с соседями, только «здравствуйте и до свидания».

А под нами жила бывшая хозяйка этого дома, латышка, мадам Эглите, которая много натерпелась от советской власти, но к нам она относилась очень хорошо. А выше этажом жила семья Смирновых, русских, но уроженцев Латвии. Их дочь Марина училась с Инночкой в одном классе. Это была очень приятная, интеллигентная семья.

В 1959 г. Инночка поступила в институт, и вместо занятий всех студентов сразу послали на сельскохозяйственные работы в колхоз. А мы с Марком поехали с санаторий в Кемери, так как мы в это лето не жили на даче и нигде не отдыхали. Подлечившись и отдохнув, я решила устроиться на работу. Марк ещё до нашего отъезда вел разговор об этом со знакомым конструктором Хавкиным, который сказал, что будет хлопотать о дополнительной «единице» (производственной) для меня. Я поехала на пару дней в Ленинград, не подозревая, что на нашу семью свалится неожиданно большое горе, разрушившее всю нашу жизнь на несколько лет.

Интересно, что ночью в поезде мне приснилось, что я в своей квартире, стою в столовой и вижу, что весь потолок вдруг потрескался на большие квадраты и я закричала, услышав шум: «Он сейчас обрушится!». И проснулась от своего крика, а поезд стоял на какой-то станции и свистел и шумел. И оказалось, что мой сон «в руку». На следующий день мне позвонили в Ленинград, чтобы я срочно вернулась – Марк арестован, и дети остались одни.

Марк в то время работал на фабрике «Динамо» начальником производства, директор фабрики был в отпуске в Сочи. Поэтому пришли с обыском к главному инженеру, к Марку и другим работникам фабрики. При обыске ничего у нас криминального не было обнаружено, у нас не было никаких сбережений, ни дачи, ни автомашины, что считалось в Союзе пределом богатства. В квартире была сборная мебель, но одного качества и цвета, которую мы покупали в комиссионных магазинах уже подержанную. Но она производила впечатление комплектной спальни и столовой. Единственное, что у нас было ценного – это мои «побрякушки», как мы называли небольшое количество драгоценностей, часть из которых мне подарила из своих мама к разным датам, а часть – Марк ко дням рождения и годовщинам свадьбы.

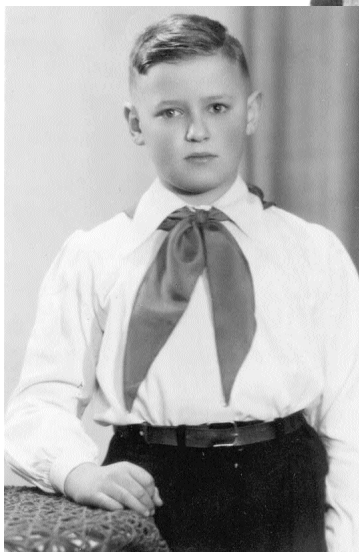
После войны всё это стоило очень дешево, многие могли позволить себе делать такие подарки. Вот эти-то побрякушки в бельевом шкафу, завернутые в платочек, Марк велел Инночке взять себе. И таким образом они сохранились. Но я думаю, что производившие обыск поняли, что это не тот дом, где есть настоящее богатство.

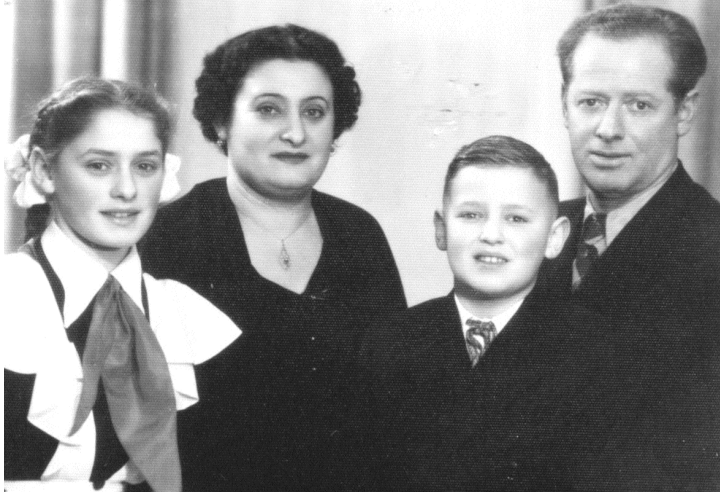

Inna and Joseph

Inna and Joseph

Sofa and Mark with children Inna and Joseph

**Mother and daughter.
1964**

Mother and son.
1967

БОРЬБА ЗА МАРКА

Наши дети были в шоке от происходившего. Им не разрешили пойти в школу и в институт. Жозик вообще ничего не понимал. А Инночка, когда папу увели, пошла к нашим самым близким друзьям Лизе и Герману М. и оттуда позвонила мне в Ленинград, чтобы я приехала. И я в тот же вечер выехала, и утром была уже в Риге. И тут начались наши страдания. Мы были после отпуска. Денег не было ни копейки. Мы сначала стали одалживать, потом носить вещи в комиссионный на продажу. Каждый день мне нужно было куда-то ходить по делам, связанным с Марком.

Материально нам было очень тяжело жить на мою зарплату, сбережений никаких не осталось. Продавать вещи из дома мне очень не хотелось, я всегда думала о Марке, чтобы дом был в соответствующем виде, когда он вернется. Поэтому я носила в комиссионные магазины только те вещи, без которых можно было обойтись и то только для того, чтобы послать Марку передачу из продуктов, а мы обходились в основном картошкой и капустой. И никогда в то время не ели досыта. Не хотела занимать деньги в долг на еду, потому что не смогла бы расплатиться, а влезать в долги, чтобы пришлось в будущем отдавать Марку, я тоже не хотела.

Но все наши старые друзья очень хорошо к нам относились, всегда приглашали на все торжества в гости, а Жозик всегда говорил: «Мамочка, я приду за тобой, хоть покушаю в гостях вкусные кушанья».

А в ателье, где я работала, знакомые видели мое положение и советовали: «Дочка должна бросить учебу в институте и пойти работать, а сына отдайте учиться ремеслу и вам будет легче». Я сказала: «Мы лучше будем голодать, а дети у меня будут учиться. Мне бы муж не простил, если бы я так поступила». И дети действительно продолжали учебу, как ни тяжело нам было. И к тому времени, когда Марк вернулся, дочка уже работала врачом, а сын уже был на 4-том курсе университета. И до сих пор я горжусь тем, что сумела в тяжелейших условиях сама, без помощи Марка, дать детям образование. Это, конечно, моя заслуга.

Но до того надо было еще дожить, а впереди нас ждало ещё много переживаний. Летом 1960 г. был суд, и Марк получил 8 лет лагерей. Потом его отправляли из одного лагеря в другой, а мы ездили с передачами (продуктов) из одного лагеря в другой и разыскивали его и, наконец, приехали в лагерь при тюрьме искать

его уже без продуктов. В справочном нам сказали, что он там. На следующий день рано утром я поехала уже с передачей, и когда дошла моя очередь, мне сказали, что его куда-то отправили, вернее, сказали, что в Сибирь. И со мной была такая истерика, я кричала на всю тюрьму, что это конец, что я больше не увижу своего мужа, потому что он одет по-летнему без всяких тёплых вещей. Даже дежурная, работавшая на приеме в окошечке, вышла и стала меня успокаивать, говоря, что его одели в теплую одежду.

И начались мои хождения по всевозможным инстанциям — к следователям, прокурорам и другому начальству, чтобы выяснить причину отправки Марка. После долгих хождений и разговоров мне все стало ясно. Дело в том, что фабрика «Динамо» была в ведении МВД, и они решили отправить директора фабрики и главного инженера в Сибирь. Но директор в это время болел и лежал в больнице, а наряд на отправку был на двоих. Вот они и решили отправить главного инженера и Марка. Это совсем меня подкосило. Инночка, узнав об этом, рыдала и билась головой о стену. Нам казалось, что это конец.

Да и Марк писал нам, что если я его не вытяну оттуда в Латвию, то мы вряд ли увидимся когда-либо, потому что он вряд ли выживет. И я опять начала хождения по инстанциям с требованием вернуть его обратно. Дошла до министра МВД. Писала заявления одно за другим, сама, без адвокатов, обо всем, что было у меня на душе, и заставляла прочитывать мои заявления при мне. Не давала никому покоя и добилась, что Марка вернули в латвийский лагерь, если мне память не изменяет, через год и три месяца вместе с долгой дорогой.

Когда я узнала, что его отправили в Сибирь совершенно раздетого, я вся в слезах позвонила в Ленинград, и Лева, брат Марка, быстро собрав чемоданы с теплыми вещами и продуктами, поехал ему вдогонку. К этому времени я получила короткую записку, в которой Марк описал маршрут и через какие тюрьмы будет проезжать. Вот Лева и поехал по этому маршруту и повсюду опаздывал. Ему говорили, что этап Марка был и уехал дальше, а в одном городе сказали, что он там числится, но когда Лева съездил за вещами и вернулся, Марка уже не было. И он решил, что это пустое дело, и вернулся не солоно хлебавши в Ленинград.

Когда мы узнали адрес Марка, то все родные решили по очереди посылать ему посылки, чтобы освободить меня от этого и

помочь мне материально. Но разве я могла не посылать ему из дома? Я всё равно продолжала посылать всё, что ему было необходимо или просто приятно.

Когда Марка привезли в Латвию и направили в один из лагерей под Ригой в поселок Олайпе, то все трудности переносились легче всей семьей, потому что мы имели право в определенные сроки приносить ему передачи, получать свидания на час или два часа, а дважды в год – личные свидания, когда я могла остаться там на сутки с ним. Всё это было очень тяжело и физически, и морально, но нужно было всё выдержать.

Сначала я ездила с детьми и мы тащили бесконечное количество сумок с продуктами и вещами, радовались, если всё принимали. Но часто бывало и так, что возвращали обратно, а мы стояли и упрашивали взять ещё что-нибудь. Но с этими работниками разговор короткий – захлопывали окошко и конец. Мы всегда чувствовали себя такими униженными, но некому было жаловаться и ничего нельзя было изменить. А чего стоило подготовить каждую передачу, когда не было денег, притом что никто не верил, что их у нас нет.

Однажды я послала Инночку в мастерскую, где работала, к знакомому заведующему одолжить 20 руб. на передачу, на несколько дней, пока она получит стипендию. Он вынул из кармана и дал ей эти 20 р. с таким пренебрежением, не веря, что у нас нет денег, что она вернулась домой вся в слезах. А я поехала на рынок, чтобы купить необходимое, и обнаружила, что у меня украли эти деньги из сумки. Я плакала навзрыд от обиды.

Ещё был тяжелый эпизод, когда должны были прийти и вывезти мебель, которую у нас описали. Я боролась за каждую вещь. Подавала в суд, потому что даже обеденный стол у меня хотели забрать. Я вынесла и поменяла всё, что было возможно, ободрала всю квартиру и когда приехала инспектор вывозить оставшееся, комнаты опустели так, что телефон пришлось поставить на пол. А у меня было такое ощущение, что вывезли покойника из квартиры. Но и тут мне удалось дать взятку инспекторше, чтобы она разрешила поехать в магазин, куда вывозили мебель, и выкупить. Это сделал Инночкин сокурсник М.Г., который за ней ухаживал тогда, а инспекторше я сказала, что они хотят пожениться.

А в этом магазине тоже работали знакомые, и я с ними договорилась. Деньги одолжила. На следующий день вещи привезли обратно. Потом приехала из Ленинграда моя мама и оформила на

всю мебель дарственную на Инночку – это тоже была целая эпопея, стоившая нам всем немало здоровья. Я раньше писала, что в это тяжелое время мне очень помогала бывшая хозяйка дома, в котором мы жили. Она жила под нами, этажом ниже, и решила занести к ней всё, что я могла спасти от вывоза. Мы закидали ей всю квартиру, чтобы никто из соседей не видел. Мебель, холодильник, вещи и многое другое. В её две комнаты уже нельзя было войти. И она спала на маленьком диванчике в проходной комнате дочери месяцев 8-10, пока мы получили возможность забрать всё обратно. Это был такой благородный жест со стороны мадам Эглите, на который вряд ли решилась бы для меня родная мама. Я до конца её жизни была ей всегда благодарна и чем только могла выражала свою благодарность.

Была, конечно, и на её похоронах. И пусть ей земля будет пухом за то доброе дело, которое она сделала для нас в то время.

А дети росли. Инночка стала взрослой, красивой девушкой. У нее всегда были поклонники, все приходило к нам, несмотря на всю обстановку в доме. Её нужно было как-то одевать. Моё большое благо было, что я умела шить – и я ей шила и перешивала, и она всегда была прилично одета. Я помню, что ей нужно было новое зимнее пальто. Так я купила по 7 р. за метр материал и сама сшила ей пальто. Из 5 рублевого хвоста сделала воротник да ещё высокую шляпу из материала, оставшегося от пальто. И ей это так шло, что её поклонник сказал ей: «Тебе не идет, а бежит этот наряд».

Но после смерти мамы Марка в 1961 г. его брат Гриша стал посылать нам посылки из Америки, и нам, конечно, стало намного легче материально. Во-первых, он посылал вещи для детей, особенно для Инночки. Часть вещей я продавала, так что выручала и немного денег. Так что и ему я тоже очень благодарна. Потом он стал посылать нам деньги на валютный магазин, и я смогла даже себе кое-что купить. Я крутилась, как белка в колесе, чтобы как-то жить. Стала сдавать летом комнаты артистам, приезжающим на гастроли в Ригу с театрами. Сдавала одну комнату квартирантам. Часто сама спала на раскладушке. Но зато получала контрамарки на гастрольные спектакли, ведь покупать билеты я не имела возможности, а любовь к театру у меня осталась несмотря ни на что.

Потом наступило время, когда пришлось уйти с работы по пошиву. Пришёл новый начальник, и ему нужно было, чтобы я шила «левые» куртки, то есть без оформления. Я, конечно, отка-

заявила, и он меня уволил. Я осталась без работы и без средств. Уходя, я ему только сказала: «Я вам не желаю, чтобы ваша жена осталась в моем положении, но...». И прошло совсем немного времени после моего увольнения, и я узнала, что его жена тоже оказалась в моем положении. Наверное, если поступаешь плохо по отношению к другому, это не останется безнаказанным.

После этого я решила, что пора мне искать работу по своей специальности – конструктором. И начались мои поиски, которые длились 2,5 месяца. Для семьи это была трагедия – столько времени не работать. Но мои поиски увенчались успехом. Я поступила в конструкторское бюро на должность инженера-конструктора по стандартизации, хотя не работала по специальности 14 лет, и, конечно, мне было очень страшно. Но я довольно быстро освоилась, работала с душой и с большим удовольствием. Вкладывала всю душу в работу и пользовалась большим уважением и почетом.

Потом это конструкторское бюро объединили с заводом, перевели в другое помещение, располагавшееся за Двиной. Мне приходилось вставать в 6 часов утра, чтобы попасть на работу к 8-ми. Ездила я двумя трамваями, потом 20 минут шла пешком по железнодорожной насыпи и в снег, и в слякоть, и в мороз, и в жару. Часто падала, но всё равно работала с удовольствием и любовью. И даже когда мне исполнилось 55 лет, и я могла уйти на пенсию, я продолжала работать ещё 5 лет, получая 50% пенсии по советским законам и зарплату.

Когда я поступила на эту работу, меня никто не спрашивал о муже, а я никому не рассказывала о моих семейных делах. Но, думаю, что женщины, с которыми я была в близких отношениях, догадывались, где мой муж.

Мне иногда приходилось приносить с собой на работу сумки с продуктами и вещами для передачи Марку, прямо с работы я ехала в лагерь. По тому, как меня провожали, открывали мне двери, так как руки были заняты, я видела, что мои коллеги догадывались, куда я направляюсь. Иногда встречалась с Инночкой, а иногда ездила одна. Помню, однажды я приехала в лагерь с сумками, долго стояла в очереди, а потом долго упрашивала дежурного взять что-то дополнительно, а когда я оглянулась, то вижу, что никого из посетителей не осталось, все ушли на станцию. Стемнело, был поздний вечер, и мне пришлось идти одной, далеко через лес до железнодорожной станции в полной темноте. И это было так страшно! Мне казалось, что кругом бандиты, и

когда я слышала позади себя шаги, то думала, что мне конец. В таком напряжении добралась до станции, слезы текли непроизвольно от горя, от ужаса, от страха.

А однажды нам предоставили личное свидание с Марком. Я приехала с Инночкой. Но когда наступил вечер, ей велели ехать домой, а утром опять приехать. Это было очень страшно – девочке одной идти до станции. Даже дежурный сжалился и оставил её ночевать в соседней пустой комнате, чему мы очень удивились.

А дети продолжали учебу и я, несмотря на свое горе, не выпускала их из поля зрения и, как Инночка говорила, всё воспитывала их. Когда я ещё шила куртки дома, то часто, сидя за шитьём, велела Жозикку сесте около меня и объясняла ему всё, что считала нужным. Ведь ему было только 14 лет, и я очень боялась, чтобы он не свернул с правильной дороги. Часто он мне говорил: «Мне нужно поговорить с папой!». Это был крик его души. У него наступало половое созревание и физически ему было так же тяжело, как и морально. В таких случаях я ему отвечала: «Сыночка, уж так у нас получилось в жизни, что папы нет с нами сейчас. Так что, когда тебе захочется поговорить с папой, считай, что я папа, а когда с мамой – то я мама. Сейчас я одна в двух лицах для вас». И он действительно делился со мной и рассказывал мне все, что было на душе и нужно было бы сказать папе.

Он так привык к этому, что совершенно не стеснялся меня и, наоборот, когда папа вернулся домой, он стеснялся с папой говорить на личные темы. Он даже мне как-то сказал, что с папой может говорить о политике, о жизни, об учебе, а о личном только со мной. И так повелось в нашей семье и до настоящего времени, когда наши дети уже совсем взрослые и сами родители.

В том юношеском возрасте, чтобы отвлечься от сексуальных вожделений, Жозик стал просить у меня разрешения записаться в секцию бокса, но мне этот вид спорта очень не нравился, я считала, что это просто мордобитие. Но дала согласие после долгих разговоров на занятия «самбо», считая, что это ему будет очень полезно. И он усвоил, что спортсмены не должны ни пить, ни курить, что было очень важно.

Летом, после окончания 8-го класса, Жозик решил устроиться почтальоном в наше районное почтовое отделение. Сам вставал в 5 часов утра и отправлялся на почту, часто попадал в квартиры знакомых, так как это был наш район. Однажды одна старушка сунула ему в карман несколько копеек за принесенную те-

леграмму, так он бросил их обратно в её почтовый ящик. Он не признавал никаких «чаевых», если я шла с ним в театр, то он хватал мое пальто и сам сдавал на вешалку без чаевых. Он считал, что чаевые оскорбляют достоинство человека. «Мама, если ты дашь «чаевые», то я сразу уйду домой». То же самое было в такси.

После 9 класса он твердо решил пойти в вечернюю школу, потому что не мог терпеть тогда, что преподаватели обращались с ними, как с маленькими. Мне, конечно, этого не хотелось, я была против. Я ему говорила, что он не сможет поступить в университет со знаниями, полученными в вечерней школе. А кроме того, считала, что там взрослая рабочая молодёжь, и он начнет пить и курить. Но он мне объяснил, что ребята там в основном его одноклассники, никаких взрослых нет. «Мамочка, дай мне свое согласие, потому что я все равно пойду туда, но не хочу, чтобы это выглядело, что я сделал всё без твоего согласия». И мне пришлось согласиться. Он всё, конечно, оформил сам. Но ведь нужно было устроиться на работу, такое было условие в этой школе. А его никто на работу не брал, потому ему было 15,5 лет, и по закону он должен был работать 4 часа, а предприятию это было неинтересно.

Вот тут-то пришлось мне позвонить знакомому начальнику цеха на деревообрабатывающую фабрику, и его взяли его на сменную работу. Потом мне рассказывали, что за какой бы станок ни поставили его работать, через два часа Жозик уже осваивал эту работу и делал всё квалифицированно. В школу он тоже ходил посменно. Сам нашел себе преподавателей по тем предметам, которые нужно было сдавать на экзаменах в университет, и сам платил из заработанных денег, спросив на это моего разрешения.

Прибегал домой такой усталый, что валился навзничь на постель. Но все равно садился ещё делать уроки для школы. Хотя я его уговаривала лечь спать, он отвечал, что не может пойти в школу с неприготовленными уроками. И этот последний год всё время подготавливал меня к своему отъезду в Новосибирский академический городок. Он вычитал о нем в каких-то журналах и решил, что учиться будет только там. И когда я ему говорила, что только через мой труп он поедет туда, он отвечал, что в Риге поступать не будет, а пойдет работать и будет помогать семье.

А я, конечно, не могла себе представить, чтобы мой сын не учился дальше после школы. Но ведь ему было 16, 5 лет, когда

он её окончил. Он был ещё совсем мальчиком, а в Новосибирске у нас ни родных, ни знакомых не было и, конечно, мне было очень страшно. Учился он в школе хорошо, экзамены все сдал на «отлично». Когда дело подходило к концу, я стала говорить, что хочу купить ему костюм на выпускной вечер, так как у него не было костюма. Он все отказывался и не хотел пойти со мной. Потом он мне объяснил причину: «Если ты мне купишь костюм, то непустишь меня в Новосибирск». Но когда осталась пара дней до выпускного вечера, я ему сказала: «Сынок, костюм я хочу тебе купить за хорошее окончание школы, и давай договоримся, что к поездке в Новосибирск он никакого отношения не имеет». Только тогда он согласился. Я пошла с ним на вечер. Пришёл туда его начальник цеха, выступил, очень хорошо о нем отозвался и наградил его «Почетной грамотой» за отличную работу. Так сын окончил школу.

2 июля Жозик должен был уехать в Новосибирск сдавать экзамены в университет. Мне пришлось согласиться с этим, потому что он сказал мне, что в Риге он поступать не будет, а пойдет работать и будет помогать семье. Но я не могла согласиться, чтобы он пропустил даже год, и хотя я его уговаривала остаться дома и поступать в Риге и говорила ему, что это его эгоизм, уехать и оставить маму в такое тяжелое время, когда папы нет с нами. И все же он мне отвечал, что да, в данном случае – это его эгоизм, но если я его не пущу уехать, то это уже будет мой эгоизм. В общем, мое материнское сердце не выдержало и я согласилась. Но сколько это мне стоило здоровья, даже трудно измерить. Я боялась, что вне дома, в Сибири, он научится пить, курить и жениться на русской, что мне было очень нежелательно. Пока он был дома, я не разрешала ему курить. Я всегда говорила, что считаю постыдным для юноши просить у родителей деньги на сигареты. Если уж курить, то когда сам зарабатываешь на их покупку. А вообще школьникам не положено курить. Но когда Жозик пошел в вечернюю школу и начал работать, то он начал и курить, сказав мне, что теперь сам зарабатывает и сигареты покупает на свои деньги. На что я отвечала, что для меня он школьник, хоть и учится в вечерней школе, и я не разрешаю ему курить, по крайней мере, в моем присутствии.

По-видимому, он, конечно, курил, но не в моем присутствии. И когда он в первый раз приехал домой, будучи уже студентом, то первый его вопрос был: «Мамочка, разреши мне теперь курить в твоём присутствии». Когда мы вместе со всеми родст-

венниками приехали на вокзал провожать Жозика, то со мной была такая истерика, что я кричала на крик, припав к его плечу. А у него было такое выражение лица, что Инночка потом сказала мне, что если бы поезд стоял ещё 5 минут, то Жозик остался бы. С дороги на одной из станций, он опустил свою первую открытку мне, которую я привезла с собой даже в Америку, хотя все письма рвала, перечитывая предварительно и плача над каждым.

Теперь мне очень жаль, что я не могла привезти их с собой, так как сказали, что письма не пропускают. А Жоз тогда сказал мне, что именно эти письма и надо везти, а не мои «хрустали», потому что это история нашей семьи. Там были письма за 16 лет пребывания в Сибири от Жоза, от Милочки (его жены), от Марка из всех лагерей, от Инночки и других родных. Но всё же первую открытку сына с пути я привезла. Вот что он пишет:

«3 июля 1962 г.

Дорогая мамочка! Пишет тебе твой блудный сын с дороги. Ма-муля, милая, когда я вспоминаю прощание, меня охватывает большая грусть. Я, кажется, впервые почувствовал, что такое любовь матери. Я постараюсь никогда не забывать этого чувства. Постараюсь дать тебе возможность гордиться сыном. Я тебя очень прошу, не расстраивайся, не плачь. Всё будет хорошо.»

И действительно все, что делал хорошего в Академгородке, он всегда писал и говорил, что это – для меня. А пока мне было очень трудно. Я зарабатывала немного, но когда получала зарплату, сразу же шла с работы на почту и отправляла перевод сыну. Когда он получал на младших курсах стипендию 20 руб., то я посылала ему ещё 30 руб., чтобы у него было 50 руб. на питание, а на старших курсах, когда он получал стипендию 30 руб., то я посылала 20 руб.

А когда он приезжал на каникулы дважды в год домой, я покупала ему все необходимое. Но он был нетребовательный и рад был и благодарен за все.

После окончания института Инна получила «свободный диплом», то есть должна была сама найти себе работу. Но в Риге найти себе работу дантиста было невозможно, надо было ехать в район, в латвийскую деревню, поэтому Инна решила уехать на север.

Нашла она для себя работу в Мурманске, сообщила мне об этом, когда я была в доме отдыха. А когда вернулась домой, она

уже уехала в Мурманск. Шел октябрь 1964 г., и осталась я одна в своей большой квартире: муж в лагере, дочка в Мурманске, а сын в Новосибирске. Я думала, что вообще сойду с ума. Но, наверное, человек крепче железа! И хотя я тяжело заболела, но выжила. Я поставила телефон около кровати и лежала одна и плакала. Даже врач не могла определить, какое у меня заболевание. По анализам она решила, что у меня тиф и сказала, что обязана меня отправить в больницу. Но я сказала, что если она даже вызовет милицию, то всё равно из дому никуда не уйду.

И все же настояла на своем. Я все пережила сама, никому ничего не говорила, и Бог помог мне. Я пережила и это. Выжила. Выздоровела и вышла на работу. Но долгие месяцы не могла отвечать на Иннины письма. К Марку теперь мне приходилось ездить одной, но рук не хватало, чтобы тащить все сумки.

И вот однажды вызвалась помочь мне моя квартирантка Галля. Она поехала поездом со мной в лагерь, донесла часть сумок и уехала. А потом выяснилось, что свидания мне не дали, передачу не приняли и я должна была одна тащить все до станции. И вот я шла с одной частью сумок 10 шагов, ставила их и возвращалась за другой частью и так постепенно перетаскивала все до станции железной дороги, а слезы текли ручьем от боли и обиды. Ещё тяжелее мне было от того, что я ни с кем не могла поделиться, никому ничего не рассказывала, все носила в себе.

Когда же я бывала у Марка, то он по своему характеру никого не осуждал, а меня успокаивал, что когда он вернется домой, то он будет стараться так холить и лелеять меня, чтобы я забыла все пережитое. Но мне кажется, я никогда этого не забуду.

Прошло больше 20 лет с того времени, а я и сейчас пишу со слезами на глазах. Все встает передо мной снова – и горечь, и переживания того времени. Но я всем все прощаю и прошу Бога, чтобы он так же всем простил. Такое мое одиночество длилось ровно полгода. Конечно, не без моих хлопот, не без помощи близких и преданных друзей и, главным образом – Бориса Петровича Муравского.

Марка освободили досрочно.

25 марта 1965 г., вернувшись с работы домой, нашла в почтовом ящике короткую записку от Марка, что 24 марта должен быть суд по досрочному освобождению, и если его освободят и успеют выдать документы, то 25 марта он будет дома. А в доме нет никаких продуктов, никакой еды. Я решила сбегать в магазин и что-нибудь купить. Это заняло очень мало времени. Но когда я

возвращалась домой, то Марк уже встретил меня на улице. Оказывается, он поднялся в квартиру, звонил и, поняв, что меня нет дома, вышел мне навстречу.

Когда я увидела его в страшном лагерном одеянии, то в первый момент даже не узнала. А потом, когда узнала, у меня потемнело в глазах, закружилась голова, ноги стали ватные, и Марк еле удержал меня от падения. Так мы стояли, обнявшись, посреди улицы, пока я не пришла в себя.

Мы поднялись домой, Марк принял душ, переоделся, и я приготовила ужин и обзвонила друзей, сообщая радостную весть. И все друзья, бывавшие в нашем доме до несчастья, пришли проведать Марка.

Квартира внешне выглядела такой же, какой он её оставил. Чистота, порядок и всё необходимое я сохранила, а главное – не сделала никаких долгов. Я тут же сообщила детям и родным в Ленинград, и мы решили, что мы все встретимся в Ленинграде. Инночка послала Жозу телеграмму и деньги в Новосибирск, чтобы он прилетел в Ленинград. Сама она прилетела из Мурманска, и все родственники нас встречали, устраивали приемы, и мы радовались нашему счастью, наступившему через 5 лет 5 месяцев и 5 дней, или 1985 дней. Но чтобы пережить все это, потребовалось невероятно много душевных сил от всех членов нашей семьи. И конечно, вся эта эпопея не прошла даром ни для кого из нас. На всех отложила отпечаток и моральный и физический.

И мало было и есть в Советском Союзе таких семей, которых бы обошла такого рода трагедия. А если кого и обошла, то жили под вечным страхом ареста почти все. Боялись ночных звонков, прислушивались к остановившимся ночью машинам и другим ночным звукам.

ЖОЗ

Как я уже писала, 2 июля 1962 года Жозик, как мы его ещё тогда называли, уехал в Новосибирск поступать в университет. Хочу поподробнее написать об этом периоде его студенческой жизни. Было ему тогда 16,5 лет. Никакого жизненного опыта у него, конечно, не было. Но всё же для своих лет он был очень энергичный и смелый. Смелый – потому что не побоялся в таком возрасте уехать из дома и решать все свои вопросы самостоятельно. Он так и говорил мне: «Я хочу сам в жизни всего добиваться». На что я ему обычно отвечала: «Но не нужно же второй раз открывать Америку, сынок». Итак, приехав в университет, он подал документы и начал сдавать экзамены. По моей просьбе после каждого экзамена он сообщал результаты. Так как он подал документы на медико-биологический факультет, то первый экзамен был по химии, после которого мы получили телеграмму такого содержания: «Химия 5, вышли 10. Целую. Жоз».

Кстати, попав в студенческую среду, он счел свое имя Жозик слишком детским и всем новым знакомым говорил, чтобы звали его Жоз. Так с тех пор и мы стали называть его этим именем, сокращенное от Жозеф. Вторым экзаменом была физика. После него была такая же телеграмма, только сумма была изменена: «Физика 5, вышли 20». Так он сдал все экзамены, и был принят, о чем тоже сообщил нам телеграммой.

И началась его студенческая жизнь, правда не с занятий, а с работы в колхозе. Так в Союзе принято, чтобы все студенты перед началом учебы направлялись в колхозы на полевые работы, помогать колхозникам, хотя большинство студентов совершенно не приспособлено к этим работам и не умеют их выполнять. А колхозники часто, вместо того чтобы работать в поле, уезжают на базары торговать фруктами и овощами, собранными с приусадебных участков. Между прочим, работать в колхозах посылают не только студентов и школьников, но и рабочих, служащих и интеллигенцию с высокими окладами, так что такая помощь колхозам дорого обходится государству.

В колхозе девочки и мальчики спали вместе и, переспав с одной из девочек, Жоз решил, что должен жениться на ней. Дождавшись, когда ему исполнилось 18 лет – возраст, когда уже можно регистрировать брак, он женился на Тане О. Правда, к тому времени их отношения очень изменились и, как мне потом рассказывала подруга Тани, они уже и не должны были жениться. А в 1965 году, когда он прилетел в Ленинград, чтобы увидеться с

отцом, он сообщил мне, что уже развелся с ней.

А я-то, конечно, была вначале очень недовольна этим браком и сердилась на него, ну, а позднее мое материнское сердце отошло, и я даже, получив от Гриши из Америки посылку, приготовила красивое белье, чтобы отослать Тане. А когда Жоз сообщил о разводе, я даже заплакала. И на его вопрос: «Мама, ну что же ты плачешь, ты ведь была недовольна этим браком, так радуйся теперь» – ответила: «Да, я была недовольна, что ты женился в 18 лет, но уж коль женился, так надо жить, а не разводиться».

С Таней он приехал в Ригу летом 1963 года, ещё до того как они оформили свой брак. Она мне вообще не понравилась. А во второй раз они решили поехать в Ригу, когда они уже поженились. И вот в один из вечеров Жоз звонит мне уже из Москвы и говорит, что он с Таней на вокзале и хотят приехать в Ригу. Можно ли? Я ответила, что видеть их не хочу и не разрешаю им приехать в Ригу. Он сказал: «Ну, хорошо, тогда мы поедем в Ленинград». Тогда я запретила ему появляться там у родственников. Но он всё же позвонил родственникам и ночевал у них. Но у меня, конечно, душа болела, и я не знала, где он и что с ним.

А в это время должно было быть личное свидание с Марком, и я подумала, что ведь лишу и его радости видеть сына. И позвонила в Москву, потом в Ленинград к родным, выяснила, что он там, и попросила чтобы ему подсказали, что он должен приехать на свидание к отцу только один, без Тани. И когда мы с Инночкой уже были у Марка, вдруг появился Жоз и постучал в окошко. Его тоже впустили к нам, и все обошлось хорошо.

Много друзей Жоза – студентов и студенток – приезжали к нам в Ригу на отдых, в командировки и по разным другим поводам, и все рассказывали о нем, его жизни, учебе и разных делах. Все они хорошо к нему относились и отдавали дань его способностям, уму и интеллекту. Жил он в общежитии, с ребятами дружил. В конце второго курса на него обратил внимание декан и директор института академик В.В.В. Он сказал, что ему нужен студент-биолог, который одновременно был бы и физиком, и химиком, так как все эти три науки очень связаны между собой.

Жозу велели подумать и, если он согласится, то получит от него специальную программу для подготовки. Будет заниматься дома, то есть в общежитии, и ходить только на те лекции в университете, которые сам сочтет нужным. Жоз дал согласие и начал

заниматься таким способом. Результатом стало то, что со второго курса он перескочил на 4-й, и в 20,5 лет окончил университет, убедившись, что незачем там учиться 5 лет, а можно сократить этот срок. Это был один из первых «подарков», которые он мне преподнес, как он сказал, «чтобы ты, мамочка, могла гордиться сыном».

Но в студенческие годы денег ему, конечно, всегда не хватало. И он, как и многие другие студенты, подрабатывал на погрузке и разгрузке барж и вагонов, работал официантом в студенческом кафе «Под интегралом», сдавал каждые два месяца кровь, как донор, но за деньги. И вот однажды, сидя в коридоре приемного пункта доноров, чтобы сдать кровь вместе со своим другом Ж.Г., они услышали передачу по радио, о том, «что бедные американские студенты, вынуждены сдавать свою кровь за деньги, работать дворниками и официантами, чтобы прокормить себя». А Женя как раз и работал-то даже тем же дворником. Они посмеялись между собой. Вот уж не в бровь, а в глаз! Но это не мешало Жене, деревенскому парню, из бедной семьи, без отца, стать доктором наук – профессором.

Итак, когда Жоз окончил университет, его оставили в аспирантуре, конечно же, после сдачи всех экзаменов на «5» – такое было условие. И он продолжал работать в том же институте и в той же лаборатории, где проходил практику, начиная со 2-го курса и до самого отъезда из Академгородка.

В Академгородок Жоз был просто влюблен. Приезжая домой, он всегда говорил: «Какое удовольствие жить и работать среди 3000 умных и образованных людей!». Там была настоящая демократия и никакого антисемитизма, конечно, в первые годы его существования. Например, там произошёл такой случай: двое студентов-юнцов, которые даже никогда не видели евреев, напились пьяными и, качаясь, ходили по Академгородку, приставая к прохожим с вопросом: «Ты еврей?». Видимо, они даже не знали распространенное в союзе оскорбительное для евреев слово «жид».

Так их поймали, избили, а потом судили. Исключили из комсомола, из университета и выгнали из Академгородка. Причем русские ребята возмущались больше, чем евреи. Но, как я уже писала, это было в начале существования городка. Ведь Жоз, перескочив через курс, оказался в первом выпуске университета. Там действительно было много студентов-евреев из всех республик Советского Союза.

А уже в 1980-х годах антисемитизм проник и туда, и была даже неофициальная процентная норма для евреев, поступающих в университет. Об этом мне рассказывали товарищи Жоза, ставшие уже кандидатами наук и принимавшие экзамены у вновь поступающих в университет. Правда, там сменилось руководство Академгородком.

Будучи студентом, Жоз приезжал к нам в Ригу дважды в год во время каникул, когда студентам давали скидку на самолеты и поезда. Правда, первый раз после отъезда он приехал домой, не дождавшись каникул и до экзаменов, в декабре месяце, собрав деньги у всех друзей и купив билет за полную стоимость. Приехал без предупреждения, рано утром. Мы выскочили в коридор на его звонок в дверь, и были в шоке, увидев его.

А Инночка заплакала и спросила: «Жозинька, тебя что – вытурили из университета?» На что он ответил, что просто очень соскучился по дому и не мог вытерпеть ещё месяц. Вот тогда он и попросил у меня разрешения курить в моем присутствии. Так как он был самым молодым студентом и выглядел как мальчик-школьник, то он в каждый свой приезд бывал в новом обличи: то с бородой, то с баками, а то и с усами. а я никак не могла к этому привыкнуть.

Но в первый день он был такой милый, что я могла с ним сделать все, как мне хотелось. И я брала его за руку и вела его в ту парикмахерскую, в которой его стригли с детства, и там его приводила в соответствующий моему желанию вид. Но это я могла проделать с ним только в первый день. Если же я почему-либо не могла этого сделать в первый день, то потом мне уже это не удавалось.

В первые годы студенчества, когда Жоз приезжал в Ригу, он всегда встречался со своей подругой, с которой учился в вечерней школе М.К. Потом она вдруг вышла замуж, но все равно, когда Жоз приезжал, она приходила к нам одна, а один раз даже с мужем.

Затем у неё родился сын. И вот в один из приездов Жоз заявляет нам, что она разводится с мужем, а он собирается на ней жениться. Я в недоумении его спросила: «А ты чувствуешь, что можешь быть отцом чужому ребенку и воспитывать его?». Он ответил утвердительно. Но я решила, что не стоит огорчаться, так как они все равно живут далеко друг от друга. После того как они договорились, когда он должен был уехать на учебу, он познакомил М. со своим другом, с которым учился и в школе, и в уни-

верситете, с А.Г.

Жоз просил его не давать ей скучать. А получилось так, что они, видимо, полюбили друг друга и решили пожениться. А. бывал у нас дома, и я почувствовала какое-то смущение, но, ничего не подозревая, стала спрашивать его, что с ним происходит? Уж не влюбился ли он? И он мне ответил утвердительно, сказав, что собирается жениться, а потом сказал и на ком. Я-то не очень огорчилась, и Жоз, видимо, тоже, потому что не нарушил дружбу с А. и с М. остался в нормальных отношениях.

Потом в один из приездов домой Жоз показал мне фото девочки, с ярко выраженным еврейским лицом, и спросил меня: «Мама, как тебе нравится эта девочка?». Я посмотрела и ответила утвердительно. В следующий приезд он привез её в Ригу, а у нас как раз была годовщина свадьбы. Я представила её гостям: «Это Милочка». Приняли мы её хорошо, ещё не зная, что она станет женой Жоза. А потом он написал мне письмо, что они собираются пожениться. Это было уже перед защитой диссертации, и я просила их объединить эти два события. Но они решили по-своему. Милочка написала мне письмо, и я ей ответила. И её письмо и копию моего ответа я привезла в Америку, несмотря на то, что все остальные порвала. Свадьба была студенческая, и мы на свадьбе не были, а прилетели на защиту диссертации. В то же время приехали и Милочкины родители, и мы впервые встретились и познакомились с ними.

Конечно, как всякая мать, я очень переживала женитьбу сына, потому что Милочка уже была замужем, у нее был ребенок, и я не представляла себе, сумеет ли мой сын в таком раннем возрасте стать отцом не своего ребенка. И я все время думала об этом, и настроение моё было не лучшим. На это обратили внимание мои коллеги по работе. Однажды, когда я в обеденный перерыв сидела и писала письмо в ответ на Милочкино, конечно, у меня невольно текли слезы. Это заметила сотрудница отдела, с которой я дружила, Катя Б. Мы были вдвоем в комнате, она стала меня расспрашивать, почему у меня такое плохое настроение. И между нами произошел такой диалог:

К: «С.М., почему у вас в последнее время такое плохое настроение?»

Я: «Есть причины, Катя»

К: «Уж не собирается ли Жозик жениться?»

Я: «Да, собирается».

К: «Уж не на женщине, которая была замужем?»

Я: «Да, была»

К: «Может быть, ещё и ребенок есть?»

Я: «Да, есть»

Катя заплакала, она была очень эмоциональная, и закричала на всю комнату: «Так что же вы тут сидите? Вам нужно лететь в Новосибирск и расстроить эту женитьбу!» Она плакала горькими слезами, а я её успокаивала. Я сказала: «Никуда я не полечу и ничего расстраивать не буду. Потому всё равно ничего не поможет, если они уже решили. А если я буду вмешиваться, то потяну не только невестку, но и сына». Я её еле успокоила.

И тогда я написала Милочке письмо, которое было залито слезами, и мне пришлось его переписать начисто, а черновик остался у меня, его я и привезла с собой в Америку. А Катя потом все годы говорила обо мне, что я «показательная свекровь». У неё самой была, по её словам, плохая свекровь, которая попортила ей немало крови, так что она вообще с ней не общалась. У Кати был один сын, которому в то время было лет 17. После этого, когда приходили к нам в отдел общественники из завкома и спрашивали, какие лекции мы бы хотели послушать, то Катя всегда говорила: «Пусть С.М. прочтет лекцию, как статью такой хорошей свекровью, как она».

Жоз и Милочка поженились, и одновременно Жоз усыновил Павлика. А я только спросила, сможет ли он быть ему настоящим отцом. На это Жоз ответил положительно. Он возился с ним, ходил в детский сад и в школу, и, в конце концов, Павлик стал говорить языком Жоза. Когда они все вместе приехали в первый раз к нам в Ригу, то я спросила Павлика: «А ты знаешь, к кому ты приехал?», на что он ответил: «Нет». «А что тебе папа и мама не сказали, куда вы едете?» «Сказали, но я забыл», – нашёлся он что ответить. А Милочка мне только прошептала: «Мы не знали, как вы хотите, чтобы он вас называл». Я ответила: «Ну если Жоз ему папа, то кто же тогда мы? Конечно, бабушка и дедушка». И так он и стал нас называть. Мы привыкли друг к другу, и для меня нет никакой разницы между тремя нашими внуками. Мы так и считаем его нашим старшим внуком и любим его наравне со всеми, не делая никакой разницы.

А теперь он уже стал студентом и очень гордится этим. За все годы, что наш сын женат, я никогда не конфликтовала с невесткой, не жаловалась, не оговаривала её и воспринимала все, как есть. Независимо от того, нравился мне или нет их образ и стиль жизни, я никогда не поучала и не делала замечаний Милочке, а,

наоборот, в разговоре всегда становилась на её сторону. Поэтому отношения у меня с ней сохранились нормальные и теплые. Она всегда ко мне внимательна и вежлива, так же как и я к ней. Все, что я делала для сына, я делала и для невестки. Если я прежде посылала сыну посылки ко дню рождения, то когда он женился, стала посылать то же самое и невестке. Пекла тот же штрудель, те же продукты, не считая разных вещей. Всё делала для того, чтобы не было обиды. Но и она мне на дни рождения и праздники посылала поздравления в стихах.

Некоторые из них я даже привезла с собой в Америку.

Например:

«Дорогую с днем рождения поздравляем, целуем, любя, и в счастливом долголетии мы успехов хотим для тебя.

Чтобы дети дарили радостью,

Не морицин прибавляя, а сил,

Восхищаемся нежною мудростью,

Павлик, Мила, любящий сын».

Итак, Жоз прожил в Сибири, в Академгородке 16 лет. Там он закончил университет за четыре года вместо пяти, перескочив со 2-го на 4-й курс. Был рекомендован в аспирантуру после окончания университета, когда ему было всего 20,5 лет. Защитил диссертацию в начале апреля 1970 г., женился и у него двое сыновей.

На защиту диссертации я, Марк и Инночка прилетели в Новосибирск. Мы ещё работали, оформили командировки на местные предприятия с места работы: я – по линии НТО (научно-технического общества), где была казначеем завода по общественной линии, а Марк – с завода «ВЭФ», где в то время работал. Но на самой защите мы не присутствовали, так как она проходила в помещении «закрытого института», и чтобы попасть туда, нужно было получить пропуски, а Жозу некогда было этим заниматься, да и, наверное, ему не очень хотелось этого. Думал, что наше присутствие будет его смущать.

Мы получили в его адрес много поздравительных телеграмм от родных и друзей, которые я привезла с собой в Америку и храню. Для нас это было очень приятное событие в жизни. Мы получили большое удовольствие и удовлетворение за все наши труды и переживания. Особенно я. Ведь образование наших детей практически легло на мои плечи в тяжелое для нашей семьи время, как моральное, так и материальное. Но я все выдер-

жала, так как желание и чувство долга были у меня сильнее всего остального.

Вечером после защиты мы устроили банкет для друзей и членов комиссии в ресторане гостиницы Академгородка. Нам приятно было слышать высказывания присутствующих, стихи и песни друзей, посвященные Жозу, и теплые слова в наш адрес. Я же приготовила в уме целую речь, в которой мне хотелось излить свои чувства благодарности всем, кто принял участие в становлении и росте нашего сына. Я помню, что ещё задолго до защиты я часто, по пути на работу, в троллейбусе, «говорила про себя» все это, а слезы так и текли из моих глаз. Но по пути в Новосибирск, проездом через Москву, мы рассказали родственникам об этом моем желании, и они не советовали мне это сделать, потому что это касается только Жоза, но не меня.

И тем не менее, после того как шеф Жоза сказал в адрес его родителей теплые слова, я встала и тоже поблагодарила всех, кто принял участие в том, что он стал ученым и человеком, а закончила «своим низким материнским поклоном» им всем. Я была очень счастлива, что получила первое вознаграждение за свои труды. На защиту Жоза приехали из Кемерово и Милочкины родители, и мы впервые с ними познакомились. Они оказались очень симпатичные люди и хорошие родители. Помогали трем своим взрослым детям по мере сил и возможностей и не вмешивались в их личные дела и семейную жизнь, «принимали» все, что их дети «преподносили». После нашего знакомства мы с ними все годы вплоть до отъезда в Америку переписывались и перезванивались. Они заезжали к нам в Ригу, когда бывали в отпуске, чтобы погостить у нас и пообщаться с нами.

Родители Милочки родом из Киева, вместе учились в строительном институте, там поженились, и когда у них уже был первый сын, началась II Мировая война. Они были эвакуированы с институтом в Сибирь, в Кемерово. И окончив его, так и остались там жить и проработали в этом городе всю жизнь на ответственных работах. Там же у них и родились еще две дочери – Милочка и её сестра Зина. Все трое детей получили высшее образование и создали свои семьи. У них трое внуков и две внучки. Но, к сожалению, в апреле 1985 г. отец Милочки умер от рака, не дожив несколько лет до 70 лет. А у матери, конечно, вся жизнь после смерти мужа изменилась.

Долгое время Жоз с Милочкой и Павликом жили в студенческом общежитии, пока, наконец, им дали однокомнатную квар-

тиру в Академгородке. Это уже было после защиты диссертации. А ещё через несколько лет, когда у них родился второй ребенок – Даничка, они получили двухкомнатную квартиру. Но все равно им было очень тесно, и жили они, конечно, очень бедно, хотя к этому времени Жоз уже работал в должности старшего научного сотрудника, что повысило его зарплату на 100 рублей.

МОЯ СЕСТРА ВАЛЯ

В апреле 1967 года мы решили отметить нашу серебряную свадьбу, вместо 1962 года, когда Марк был в лагере. И вот мы послали приглашения всем родным и друзьям. Многие родственники приехали из Москвы и Ленинграда, приехала Инночка из Мурманска, а Жоз из Новосибирска, и мы очень торжественно отметили наш самый любимый и большой праздник. Это всегда был один из счастливейших дней нашей совместной жизни, который таким и остался до сих пор, несмотря на многие невзгоды, омрачавшие нашу жизнь по независящим от нас причинам.

Среди приехавших гостей были и моя сестра Валя с мужем Зямой и дочкой Риммочкой. Они нам привезли в подарок электрический самовар, который мне очень дорог как память. Летом они всей семьей поехали отдыхать в Литву, в курортный городок Друскеникай. Мой шурин Зяма был очень загружен на работе в научно-исследовательском институте, и у него не было времени сделать для себя курортную карту, как это положено в Союзе, хотя чувствовал он себя неважно.

Он уговорил врача сделать ему эту карту без обследования. И это была его первая ошибка, которая стоила ему жизни. Пробыв месяц на этом курорте, Зяма вернулся в Ленинград, на работу, а Валя с дочкой остались там ещё на месяц. Но когда они приехали в Ленинград, и Зяма встречал их на вокзале, то Валя испугалась – лицо его было совершенно желтым. Она стала настаивать, чтобы он лег на обследование, но он опять решил немного подождать, так как хотел закончить работу, чтобы получить полную премию.

И так Зяма довел себя до такого состояния, что его на «скорой помощи» пришлось отправить в больницу. Без всяких исследований положили его на операционный стол, вскрыли брюшную полость и обнаружили, что кишки все в узлах, полная непроходимость. Ему вырезали часть кишок. Сестра вызвала меня из Риги, чтобы я ухаживала за Зямой в больнице. Я ещё тогда работала, и это был мой пенсионный год, а я взяла отпуск за свой счет, так что пенсия моя автоматически уменьшилась.

Когда острый послеоперационный период прошел, и наступило улучшение, я уехала домой. Зяма пролежал три месяца в этой больнице. Перед выпиской ему сделали все анализы, и оказалось, что у него рак желудка. Валя с плачем позвонила мне в Ригу и сообщила об этом диагнозе. После долгих консультаций с разными врачами решили перевезти его в другую больницу, в ра-

ковое отделение и там сделать операцию по удалению опухоли. Причем Зяма настоящего диагноза не знал. Это уже было в декабре 21 числа, и я во второй раз взяла отпуск за свой счет и приехала в Ленинград опять ухаживать за Зямой. Валя, к сожалению, в это время простудилась.

Морозы тогда были жуткие. Ехать приходилось в холодных трамваях по полтора часа. Я выезжала рано утром, а приезжала поздно вечером. И это продолжалось 8 дней. Все говорили, что нужно подождать 10 дней после такой операции, и если все будет в порядке, то он будет жить. Но часов в 7 вечера Зяма сказал, что хочет кушать, я пошла и подогрела ему бульон, принесенный из дома, но он сказал, что ему что-то нехорошо, и попросил дать лекарство. Я дала ему рюмочку с лекарством в руку и побежала в коридор налить немного воды в стакан, чтобы он мог запить. Это длилось меньше одной минуты. Когда я прибежала в палату, то лекарство было пролито на одеяло, а он лежал без сознания.

Я сразу позвала дежурную сестру, она дала ему кислород, а на мой вопрос: «Где же все врачи?» – сказала, что они заняты в операционной, и ей некого послать туда. Я бегом помчалась по этажам, не зная точно, где расположена операционная. Найдя её, я ворвалась туда со слезами. Когда же мне стали говорить, что в операционную нельзя входить, я закричала: «Человек умирает!»

Врач пришел в палату, стал делать Зяме искусственное дыхание, массаж сердца, но ничего не помогло. Он умер на моих руках. И как-то сразу его унесли в морг, потому что рядом лежал другой больной, совсем молодой мужчина, артист, тоже погибающий от рака (он умер через пару месяцев). Вскоре приехала Валя, чтобы сменить меня на дежурстве. Но было уже поздно. Зямы уже не было в живых. И мне нужно было сообщить эту ужасную весть Вале.

Это было страшно. Пока она ехала, я сообщила по телефону родным и друзьям о внезапной кончине Зямы и просила приехать за нами. Все это случилось перед новым годом.

Приехал Марк из Риги, Инночка из Мурманска, где она тогда находилась. До Нового года невозможно было оформить эту печальную процедуру. И поэтому похоронили мы Зяму сразу после Нового года 2 января 1968 г.

Причем Риммочке тогда было 11 лет, но Валя ни за что не хотела ей сказать, что папа её умер. Она отправила её к друзьям – Кусликам, на Лесной проспект, благо в школе были зимние каникулы. И только после нашего отъезда, в конце каникул, Валя

поехала к Кусликам и тогда сказала Риммочке о горе, которое их постигло. Девочка очень тяжело пережила это. Она очень похожа на своего папу и внешне, и характером, и даже почерк у неё похож на Зямин.

И началась для Вали с Риммочкой тяжелая жизнь и в моральном, и в материальном отношении. По мере возможности мы и наши дети помогали им и помогаем материально и сейчас Риммочке. Валя всегда плохо себя чувствовала, но никто из врачей не мог определить её заболевания. Поэтому она много лет не работала. Но примерно за год до Зяминой смерти она устроилась на работу преподавать английский язык на курсы иностранных языков при доме офицеров в Ленинграде. И там она работала до конца своих дней.

После похорон Зямы, которому было всего 46,5 лет через несколько дней мы собрались домой, в Ригу. И Валя сказала нам: «Заберите с собой папу, хоть ненадолго». И я с Марком предложили папе поехать к нам. Он ни за что не соглашался. Все отговаривался, что он совсем слепой и ехать не может. У него была катаракта на обоих глазах, не знаю, обращался ли он к главному врачу в Ленинграде. Но Марк очень усердно его уговаривал, обещал, что мы его сделаем зрячим в Риге, покажем его хорошему врачу, и ему сделают операцию. Папе было тогда 77,5 лет. Наконец, мы его уговорили, и он уехал с нами, а мама осталась в Ленинграде с Валей и Риммочкой.

Папа впервые в жизни в этом возрасте полетел на самолете, причем самолет был маленький, 25-местный. И я очень волновалась, как он перенесет полет, который длился всего 1,5 часа. Но когда он завершился и я спросила у папы о его самочувствии, он ответил, что у него впечатление, как будто он ехал в автобусе. Вскоре мы пошли с ним к лучшему главному врачу, доктору Ферберу, который в детстве сделал операцию нашему сыну Жозу, а впоследствии, когда началась эмиграция, он с семьей одним из первых уехал из Риги в Израиль, где работает по своей специальности.

Он положил папу в 1-ую городскую больницу, в глазное отделение, прооперировал ему один глаз и сказал, что в его возрасте второй не нужно оперировать. И хотя у папы был диабет, он операцию перенес хорошо, пролежал больше недели в больнице, а потом получил очки и читал в них все, что ему нужно было, мог ходить самостоятельно – в общем, почувствовал себя человеком. Даже просил Марка устроить его на работу.

Сначала он жил в Инночкиной комнате, а когда она вернулась из Мурманска в Ригу, то переселился в девичью и говорил, что ему там удобнее, а главное – он не должен был проходить через столовую. Там у него все удобства были под рукой. Папа вообще был необщительный человек, а под старость просто не любил людей, и даже, когда к нам приходили гости, не хотел заходить в столовую, а на наши торжества мы с трудом его заставляли посидеть со всеми. И так он прожил у нас 10,5 лет, то есть до самого нашего отъезда в Америку в 1978 году, когда мы вынуждены были отвезти его в Ленинград к Вале.

В октябре 1972 г. умерла моя мама в Ленинграде. Это было через 5 лет после смерти Зямы. Так мама с папой жили отдельно последние 5 лет. Они никак не могли ужиться вместе, ссорились, не находили общего языка. Под конец жизни мне казалось, что мама уже хотела, чтобы он приехал, но Валя была против, уверяя всех, что ей тяжело выдержать обоих родителей. Да и квартира была неудобная. Все комнаты были проходные, и родители пользовались ночным горшком ночью, а утром проносили его в туалет через все комнаты.

Когда сестра позвонила к нам в Ригу и сказала, что мама умерла, я поехала на работу, чтобы оформить отпуск за свой счет. Когда я сказала папе, что мама умерла, и спросила, поедет ли он с нами на похороны, он ответил сразу, что не поедет, потому что плохо себя чувствует. Я была очень удивлена, и папа это почувствовал и изменил свое решение. Он поехал вместе с нами, а Инночка приехала в день похорон с большим венком и букетом цветов, оставив маленького сына Илюшеньку слевой.

Ведь бабушка безумно любила Инночку. А теперь Инночка часто говорит, что жалеет, что у неё не всегда хватало терпения и времени выслушивать бабушкины рассказы о разных событиях её ж

РОЖДЕНИЕ НАШЕГО ВНУКА ИЛЮШЕНЬКИ ЭМИГРАЦИЯ ИНОЧКИНОЙ СЕМЬИ В АМЕРИКУ

Инночка проработала в Мурманске года три, работала на полторы и две ставки, получала полярные. В общем, по советским масштабам, зарабатывала прилично. На заработанные деньги поехала в отпуск за границу. Первый раз в Болгарию, во второй – в Чехословакию. У неё всегда была страсть ездить и видеть мир. В Мурманске у неё появились друзья и подруги. Получила она там даже комнату, но, тем не менее, ей надоел этот климат, с вечными морозами и полярной ночью, и она решила переехать в Ленинград, в город где родилась.

После смерти Зямы, мужа моей сестры, она осуществила эту свою идею зимой 1968 г., тем более, что мой папа находился у нас в Риге. Но квартирные условия были очень неудобные и, в конце концов, Инночка была вынуждена снять комнату, прописали её где-то в Павловске, и там же она устроилась работать в местную поликлинику. Но она уже начала тосковать по дому и, чтобы чаще приезжать в Ригу, поступила на курсы экскурсоводов по маршруту Ленинград-Таллинн-Рига и, окончив их, по выходным дням с автобусом привозила группу экскурсантов и была с нами.

Так она приехала и на мой день рождения – 7 июля.

Инночка получала в Ленинграде всего 120 рублей и, конечно, этих денег ей не хватало на жизнь, да ещё приходилось платить за комнату. Сбережений после Мурманска у неё уже не осталось, и нам пришлось ей посылать немного для оплаты комнаты. Приехав на мой день рождения, Инночка сказала, что «созрела» для того, чтобы вернуться домой в Ригу. Она довольно быстро все оформила и 1 августа 1970 года приехала домой. Мы переселили моего папу из её комнаты в «девичью» и освободили её комнату. Сделали там ремонт, купили ей новую мебель, обставив комнату в современном стиле.

Инночка устроилась на работу в поликлинике, и у неё появились новые поклонники. Среди них был и Лев Грозовский, за которого она вскоре вышла замуж и родила сына Илюшеньку.

Жили они всей семьей у нас в квартире, а свою квартиру, без удобств, Лева сдавал знакомому. У него не было близких родственников в Союзе, только одна родная сестра Зина, которая в своё время вышла замуж за польского еврея и уехала с ним и с родившимся маленьким сыном в Израиль. А у Инночки давно зрело желание уехать на Запад. Они попросили Зину прислать

им вызов, что та и сделала летом 1972 г.

Я в это время ещё работала на заводе и получила туристическую путевку в Румынию на 16 дней. Инночка же в это время выехала на дачу, сняв комнату на Рижском взморье. Когда я приехала из Румынии, то на следующий день вынула из почтового ящика вызов из Израиля от Зины для Левы, Инны и Илюшеньки. Я пришла в ужас. В то время ещё мало кто уезжал, и никто не знал о жизни в Израиле. А кроме того, надо сказать, что семейная жизнь между Инной илевой складывалась не очень хорошо. Они часто ссорились и никак не могли найти общий язык. И даже когда Инночка была беременна Илюшенькой, произошла такая вспышка, что она просила его уйти и дать ей спокойно родить. Она очень нервничала во время беременности и часто плакала. Но тогда мне удалось уладить этот конфликт, поговорив спокойно слевой. Они стали серьезно собираться в Израиль, а у меня даже в голове не укладывалось, как можно нам, в нашем возрасте, уехать, поменяв весь образ жизни, в страну, которая была непонятна, чужда, да и языка мы не знали.

А кроме того мы ещё работали и получали пенсии, у нас была чудесная квартира и налаженная жизнь, и мне казалось, что о лучшей жизни и мечтать нельзя.

И ещё в Новосибирске жил сын с семьей. Поэтому мне было очень больно расстаться с дочерью и её семьей. Но я не мешала их отъезду и поехала по их просьбе в нотариальную контору подписать для них нужные документы, но когда вернулась оттуда домой, со мной была истерика. А они стали собирать и готовить документы для подачи в ОВИР.

Я всё это очень переживала, но продолжала работать и, конечно, никому не рассказывала на работе об этом. Мне было стыдно, что моя дочь уезжает. Незадолго до того как я узнала об этом, одна молодая женщина Т.М., работавшая на нашем заводе, пожаловалась мне, что её мама не дает ей с семьей согласия на их выезд в Израиль. И я помню, что тогда ей ответила: «Я вполне сочувствую вам, Танечка, но я бы не хотела оказаться в положении вашей мамы».

Но очень скоро мне все-таки пришлось оказаться в таком же положении. Ещё до родов Инна ушла с прежней работы и устроилась в военный санаторий в Лиелупе. Получив там комнату при санатории, она проработала там до декретного отпуска, а когда он закончился уже после родов, она сказала, что не выйдет на работу, и они взяли другого врача. А когда Илюшеньке было 9 ме-

сяцев, ей в нашей районной поликлинике предложили замещение дантиста, на полгода уехавшей в Канаду в гости. Но когда она вернулась, и Инне предложили остаться на постоянно, она отказалась, не желая в обоих случаях – и в военном санатории, и в поликлинике – доставлять неприятности администрации своим отъездом, а в то время это было именно так.

Тем более что в поликлинике главврач была наша знакомая. «Операция» по отъезду завертелась вовсю. А в то время Лева почувствовал себя плохо и лег в больницу на обследование к своему другу Я.Т.

Инне пришлось пойти самой к нему на работу в музыкальное училище, где он преподавал, чтобы получить нужные справки для подачи в ОВИР. Его директор была в шоке. Она совершенно не ожидала этого. Он был уже шестым преподавателем, который собирался уехать. А кроме того, они были друзьями и вместе учились в консерватории. И она с мужем была на свадьбе у Инны слевой. В общем, Инночка собрала все нужные документы и сдала их в ОВИР. Кроме того, она в этот период брала частные уроки английского языка у преподавательницы, русской, вернувшейся из Канады, не выдержав тоски по Родине. И ещё она брала частные уроки по вождению автомашиной. И все это с маленьким ребенком. Правда, он с годовалого возраста был определен в детский садик, а я и Марк ещё работали.

Помогали мы им только тем, что я готовила пищу для всей нашей большой семьи, а продукты доставали все, кому удавалось, в том числе и Лева. Ведь продукты, да и все остальное, в Союзе нужно именно доставать, а не просто пойти и купить. Но даже вести такое хозяйство мне было нелегко, потому что я ведь ещё работала, хотя мне было почти 60 лет. Я бывало, придя с работы, раздевалась в коридоре и заходила на кухню и часто до 11-12 ночи не могла уйти оттуда. Ведь мне нужно было, чтобы холодильник всегда был полон еды, да и мытье грязной посуды продолжалось постоянно, потому что ели все в разное время.

Когда Инночка подала в ОВИР документы на выезд в Израиль со своей семьей, я подала на заводе заявление, что доработаю последние два месяца для полной пенсии и увольняюсь с работы с 7 июля 1973 г., то есть в день, когда мне должно было исполниться 60 лет. В то время в Рижском ОВИРе ответ на заявление о выезде в Израиль давали примерно через два месяца. И действительно, Инна с семьей получили положительный ответ 3-го июля.

У меня было ужасное настроение, но играла я, как на сцене. Ведь на работе я никому не могла рассказать, что моя дочь уезжает в Израиль. Нетрудно представить, в каком я была состоянии и как я работала. Ведь я считала, что это разлука на всю жизнь, и мне, конечно, даже в голову не приходило, что мы с Марком когда-нибудь всё же поедem к дочери. Но тогда мне нужно было отметить свое 60-летие и уход на пенсию для своих коллег и друзей. И так как на заводе это сделать было неудобно, то я устроила банкет у себя дома.

В первый день было 29 человек с работы, а на второй день – 20 человек друзей и родных, приехавших из Ленинграда. Последний мой рабочий день был пятница 6 июля. Я приехала на завод, там меня поздравили, вручили почетные грамоты от администрации и по общественной линии от Республиканского научно-технического общества, так как я была казначеем завода этого общества много лет подряд. Председатель этого общества специально приехал в этот день, чтобы поздравить меня и преподнес мне чудесные розы. А от администрации мне, помимо денежных премий, было записано в трудовую книжку тридцать третье поощрение, за что я поблагодарила директора завода, когда пошла с ним попрощаться.

Потом я уехала домой, а после рабочего дня приехали приглашенные сотрудники и началось застолье, речи, веселье. Сотрудники моего отдела преподнесли мне 51 гвоздику, так как сказали, что не представляют себе, что мне 60 лет, а только 50, так я выглядела и держала себя с молодежью. И так они считали. А ведь я была самая старшая в отделе, да и среди тех, с кем была связана по работе.

На это торжество приехал мой сын, взяв отпуск. Да и с Инночкой он хотел попрощаться перед её отъездом. Мои сотрудницы забрали у меня из рук все почетные грамоты, цветы и другие награды и сказали, что хотят все это повторить дома, чтобы видели мои дети, что их мама – не только мама, но и работник завода и общественный деятель.

Но настроение в моей семье было конечно тяжелое. Илюшеньке было тогда год и 10 месяцев. Он был очень капризный, тяжело засыпал, и Инночка почти всё время стояла около его кровати и укачивала его, но слышала, конечно, все через дверь. Моя приятельница, Лиза Мусель, которая помогала мне в подготовке этого юбилея, очень торопилась на взморье, так как в этот же день был день рождения у её внука Даника, которому испол-

нилось 3 года.

И хотя ей было очень интересно и хотелось побыть с нами, но она не могла остаться надолго. Она ведь никогда не работала и не занималась общественной деятельностью и всё сожалела, что у неё на 60-летие ничего подобного не будет. Но я понимала её состояние, и вместе с Марком устроила ей через полгода тоже приятный сюрприз, о котором я напишу дальше.

Жара в те дни стояла небывалая +30 градусов. А кондиционеров в Союзе не было, мне кажется, и сейчас ещё нет, не только в частных квартирах, но и в общественных местах, и на предприятиях. Холодильник был забит продуктами и едой, и не хватало места для всего. С этим делом у нас получились проблемы, так как пришлось на следующий день кое-что даже выбросить. В субботу 7-го июля у нас было 20 человек гостей. И мы опять отметили в своем кругу мой уход на пенсию и 60-летие со дня рождения.

А потом начались тяжелые будни, сборы Инны с семьей в Израиль. В этом же июле приехал в Ленинград брат Марка Гриша с женой из Америки, и мы все поехали с ним встретиться. Поехали и Инна слевой и Илюшенькой.

Обычно мы останавливались в Ленинграде у моей сестры Вали, но в это лето её дочь Риммочка окончила школу и должна была поступать в институт, и Валя боялась, что если мы все будем у неё ночевать, то помешаем Римме заниматься, а ещё больше не хотела, чтобы соседи в её коммунальной квартире встретились с Инной и узнали, что она уезжает в Израиль. Это все происходило от того, что страх был нашим социальным злом, как писала впоследствии Инночка, уже будучи на Западе.

А в то время ей негде было остановиться с ребенком, потому что приехали в Ленинград и родственники из Москвы. Но мы случайно встретили или узнали, что в одной из ленинградских гостиниц остановилась дочь наших друзей из Тбилиси – Офелия Амирханова с тремя детьми, и она взяла к себе в номер Инну с мужем и ребенком. Ведь в Союзе получить номер в гостинице почти невозможно. Это обычно делают по знакомству или за взятку – и то не так просто.

Все ленинградские родственники устраивали приемы для Гриши с женой, где мы все собирались. В последний день его пребывания мы собрались у Раи, самой младшей сестры Марка, а накануне Инночка спросила, не возьмет ли Гриша с собой скрипку, и он дал согласие. Тогда она утром улетела в Ригу и в

тот же день прилетела обратно, приехав на такси прямо с аэродрома к Рае. На радостях Лева стал играть на привезенной его скрипке. Проводив Гришу с женой в аэропорт, мы тоже уехали в Ригу – дел было много, а времени оставалось всего одна неделя до отъезда. Но за эту неделю Инна слевой изменили свое решение. Они не поехали в Израиль, а поехали в Америку, так как они уже имели сведения, что Лева как музыканту там будет очень трудно устроиться на работу, хотя Инне, как врачу, в Израиле было бы легче, не нужно было бы сдавать экзаменов, как в Америке.

И началась переупаковка вещей, потому что в Америку не нужно было вести все то, что нужно было для Израиля. Я была в ужасе, когда наступили последние дни. Сначала я говорила, что не поеду их даже провожать. Но сердце матери, действительно, не камень. Оно крепче железа. Я подарила Инночке бриллиантовые серьги, которые носила когда-то моя мама, потом подарив их мне на 20-летие свадьбы, сказав, что теперь они уже мне подходят к лицу больше, чем ей. Я всегда ими любовалась, когда мама их одевала.

Но жизнь течет, и все меняется. Теперь уже они подходили моей дочке больше, чем мне. Но не только поэтому я подарила их Инночке. Мне хотелось, чтобы у неё была память и о бабушке, уже в то время покойной, и обо мне. Ведь я считала, как уже писала раньше, что никогда не увижу её. А Лева мы подарили американскую бритву, которую получили от брата Гриши, в посылке. И хотя они ехали в Америку, подарок наш был к месту. И я, конечно же, поехала в Москву их провожать и очень тяжело пережила эти проводы. Со мной на аэродроме была такая истерика, что я кричала во весь голос и несколько дней ходила с распухшим от слез лицом.

Мы с Марком остались на неделю в Москве, я была в таком состоянии, что страшно было ехать домой в опустевшую квартиру. В ушах звенели Илюшенькины слова на аэродроме: «Бабуля, идем со мной!» Я держала его на руках, пока их не позвали на таможенный досмотр. Тогда уже Марк посадил его в двухколесную, легкую коляску и пошел вместе с Инной илевой, везя Илюшеньку в колясочке, и катал его все время, пока досматривали их багаж, хотя и не разрешалось там находиться посторонним, то есть не уезжающим. Но иначе ребенок им бы мешал работать. И так самолет задержали с отправкой на 1ч. 20 мин. Изза неправильно оформленных документов на две скрипки. Но

потом все обошлось, и они увезли даже больше, чем ожидали.

А мы с Марком после недельного пребывания в Москве с родственниками вернулись домой. Затем мы поехали в пансионат в Булдури на Рижском взморье, отдохнули две недели и начались наши будни в ожидании писем.

Дочка с семьей в Америке, сын с семьей в Новосибирске, а мы с Марком в средней точке, в Риге. У всех разное время, разный климат и разная жизнь. Но человек может ко всему привыкнуть, хотя ничто не проходит бесследно.

Так и эта эпопея оставила свой след: Марк получил парез лицевого нерва, который, к счастью, излечим, а я получила инсульт, который дает себя знать до сих пор. Такова жизнь!!!

ИНСУЛЬТ

Итак, после отъезда в Америку Инны с семьей ровно через 5,5 месяцев я серьезно заболела. В это время Марк еще продолжал работать на заводе ВЭФ. Зимой ему дали путевку в санаторий для сердечно-сосудистых больных на Рижское взморье, на 24 дня, с 9 января 1974г.

Я осталась одна в квартире. На следующий день я решила выйти погулять, но почувствовала, что ноги «тянут» меня обратно, и вернулась вскоре домой. Легла на диван и задремала. Проснулась я оттого, что почувствовала колики в левой руке и ноге, хотя лежала я на правой стороне. У меня было чувство, как будто они «заснули», как говорят в народе. Я начала их растирать.

В это время зазвонил телефон. Звонили наши друзья, Лиза и Герман М., с которыми мы были очень близки и дружны, и сказали, что собираются сейчас прийти к нам, чтобы помыться в ванне и остаться ночевать. У них квартира была общая с соседями, да еще с печным отоплением, и в коридорах было холодно. Пока они проходили из ванной по коридору в свою комнату, они простужались. Были они очень болезненные.

И вот они пришли к нам. Я приготовила ужин, постелила им постель, и пока мылась Лиза, я играла с Германом в карты, но все время чувствовала боль в затылке и слабость в левой руке. Даже не могла удерживать карты. В это время позвонил Марк из санатория, и я ему ничего не сказала о своем самочувствии. Не хотелось его огорчать.

А мне становилось все хуже. Я всю ночь не спала, а на следующее утро, это было в субботу, когда Марк позвонил и сказал, что после процедур приедет, я заплакала и объяснила, что мне очень плохо, и я даже не могу дойти до поликлиники.

Марк тут же взял такси и, заехав в поликлинику, привез врача-невропатолога, который только недавно начал там работать. Он сразу поставил диагноз: инсульт. Сказал, что нужно достать «гомалон» (японское лекарство) и принимать его, чтобы не дать развиваться начинающемуся параличу. Еще два врача подтвердили этот диагноз, и все завертелось в направлении моего лечения и «доставания» этого лекарства, так как в Союзе все нужно было именно «доставать».

Первые 50 штук гомалона мне «достал» наш друг врач Яша Трейзон через министерство здравоохранения из «детского фонда», а потом нам присылали его со всего Советского Союза, из разных городов. Когда мы сказали сыну по телефону о «гомало-

не», он, проверив, сообщил нам, что все составные части имеются в лаборатории, где он работает, и он мог бы их нам послать, если бы кто-нибудь взялся приготовить это лекарство. И тогда я сказала, что если это так, то я уверена, что Союз сам начнет выпускать это лекарство, и не нужно будет платить Японии валютой.

Через несколько месяцев оно было выпущено под названием «Аминолон», но суть была та же. Однако достать его стало легче. Я приняла тысячи этих таблеток и, слава Богу, была спасена.

Лежала я дома, а не в больнице, получала хороший уход от своего мужа. Врачи и сестры приходили ежедневно и делали все необходимое. Мы, конечно, всем платили, хотя считается, что в Союзе медицина бесплатная.

Делали мне и лечебную физкультуру, и массажи на дому, но очень долго я не могла ходить, падала, голова не держалась на плечах, и ее нужно было поддерживать рукой. Но, тем не менее, желание жить и огромная сила воли взяли верх над болезнью.

Как только мне стало чуть-чуть лучше, я позвонила своей портнихе, что мне нужно пошить платье к лету. И Марк действительно повез меня к ней, а также в парикмахерскую, чтобы привести себя в порядок. Ведь для женщины это много значит.

А еще интересно, что во время болезни мы получили извещение, что можем получить столовый гарнитур мебели, который заказали, когда я еще работала. А так как в Советском Союзе что-либо получить очень трудно, и поэтому если «дают», то нужно брать, и никто не может отказаться. И я сказала Марку, чтобы он поехал в этот мебельный магазин, который прислал извещение, и посмотрел на эту мебель. И он поехал с нашими друзьями М., все зарисовал, рассказал мне и оплатил.

У нас в квартире было 3,5 комнаты, общей площадью 66 кв.м. Для проживания полагалось 9 кв.м. на человека, а для того чтобы прописать кого-нибудь, нужно было 12 кв.м на человека, то есть у нас должно было быть 72 кв.м., а было 66 кв.м. Значит, нам не хватало 6 кв.м., и Марк подал заявление в райжилотдел, с просьбой разрешить ему как инвалиду II Мировой Войны, пенсионеру, прописать к нам сына с семьей. И только после того как он получил это разрешение, Жоз с семьей приехали к нам в Ригу. Это было 25 марта 1978 г.

Но до этого сын приезжал неоднократно к нам и все уговаривал уехать в Америку. Такое желание у него появилось примерно через год после отъезда Инны. И хотя он хорошо продви-

гался по службе, имел свою группу научных работников, аспирантов, учеников, получил должность старшего научного сотрудника, но решил, что не может и не хочет больше жить в обстановке вечной лжи, говорить не то, что думаешь, и делать не то, что хочешь. К этому времени у них родился второй сын. Это было 22 марта 1977г., сына назвали Дан по моей просьбе, в память моей мамы, Анны, взяли окончание ан.

В октябре того же года мы решили поехать в Новосибирск посмотреть на нового внука. Ведь с 1 октября в Союзе давали скидки в 50% на все виды транспорта. И вот мы совершили такое турне. Пробывали несколько дней в Москве у родственников, потом поехали в Новосибирск. Ребенку было уже 7 месяцев. Сын только перед нашим приездом получил двухкомнатную квартиру, вместо однокомнатной. Родители Милочки отдали им свою старую мебель, а себе купили новую.

Милочка как раз в это время уже вышла на работу на полставки, то есть на 4 часа в день.

В их семье во всем чувствовалась нищета, несмотря на то, что сын был кандидат химических наук, старший научный сотрудник. И когда он спросил меня, каково мое мнение о его семье и их жизни, я ответила, что семья его и их взаимоотношения мне нравятся, но думаю, что им надо ехать, чтобы избавиться от нищеты. Он очень обрадовался и сказал: «Только вместе с вами». На что я ответила, что этого я не могу обещать. Но он уже больше не слушал нас, обрадовался и начал собираться.

А нам, конечно, глупо и бессмысленно было оставаться одним, без детей, в Союзе.

Тем более что от Инночки приходили слезные письма с просьбой приехать в Америку. Я же вначале хотела поехать только в гости. И мы делали все возможное, чтобы осуществить эту идею.

Трижды мы подавали документы в ОВИР, чтобы получить разрешение поехать в гости. Два приглашения были от Инны и одно от Гриши, брата Марка. Но ОВИР не давал свое разрешение. И мы решили тогда уехать совсем, вместе с сыном и его семьей.

Решили, несмотря на то, что пять лет сопротивлялись и не хотели уезжать из Союза, потому что не могли себе представить, как можно в таком возрасте, в каком мы были, начинать новую жизнь, не зная языка, страны и ее обычаев. Тем не менее, я понимала, что вся моя семья хочет уехать.

И хотя Марк никогда не давил и не заставлял уезжать, сам очень давно мечтал об этом. На мой вопрос, хочет ли он уехать, он ответил: «Очень!»

И я поняла, что сопротивляться бесполезно. Ведь если со мной что-либо случится, Марк все равно уедет без меня. Таких случаев я видела много: один из супругов умирал, а другой уезжал. Зачем же сидеть и ждать смерти. И я приняла решение не мешать своей семье, не препятствовать их желанию, а ехать.

После этого я спокойно и мужественно начала готовиться к отъезду. Я разоряла свою квартиру, в которой мы прожили 20,5 лет.

Я продавала, раздаривала и раздавала все то, что мы не могли взять с собой. Все это я делала спокойно, без слез, без сожаления. Я как будто закаменела и находилась в шоковом состоянии.

Но, слава Богу, в то время еще разрешалось вывозить мебель и другую домашнюю утварь. Так что основные вещи, посуду и другое мы упаковали в ящики и вывезли с собой.

И, конечно, как показала жизнь в Америке, взяли много лишнего, ненужного, которое нам только мешает, занимает лишнее место. Но выбросить я не могу, жалко и, как я говорю: «Мы ведь из бедной страны».

После приезда в Ригу Жоза с семьей подготовка к отъезду в Америку началась полным ходом. Готовили документы для подачи в ОВИР, переводили дипломы, трудовые книжки и другое на английский язык, отправляли на Иннин адрес 5-килограммовые посылки с книгами, наши и Жоза, которые хотели увезти с собой, другие продавали; отправляли посылки с домашним бытовым хрусталем, так как при отправке багажа были таможенные ограничения. Наконец 27 апреля мы подали документы в ОВИР. Причем я сама заполнила и напечатала анкеты для меня и Марка, а Жоз это сделал для своей семьи.

В Риге обычно ответ получали через два месяца. И мы решили пока поехать на Рижское взморье. Жоз снял комнату в Майори, а мы поселились у знакомых в Авоту. В это же время приехали Милочкины родители в дом отдыха на взморье, чтобы пообщаться и попрощаться с детьми и внуками.

И действительно через два месяца мы получили разрешение, вернулись с дачи в город и тогда уже приступили непосредственно к подготовке к отъезду.

Отъезд был назначен на 7 августа, но мы уехали даже рань-

ше. Наши родственники в Москве просили нас приехать пораньше и побыть немного с ними.

Жоз с семьей уехал из Риги 23 июля самолетом, так как с маленьким ребенком им было так легче, а мы уехали поездом 29 июля, и он нас встречал в Москве вместе с братом Марка – Сеней.

В Риге все друзья и знакомые приходили к нам попрощаться, хотя мы специально не устраивали проводы. Наоборот, близкие друзья устраивали проводы для нас, то есть приглашали нас к себе.

Моя сестра Валя с дочкой Риммочкой приехала к нам в Ригу проститься. Мы отдали ей много вещей, в том числе и телевизор, так как у нас был маленький, и Марку пришлось все отправить в Ленинград багажом. Валя очень плакала на вокзале, и я ей сказала: «Не оплакивай меня, я еду в Америку жить, а не умирать». Но мне и в голову не могло прийти, что моя сестра умрет через два года после нашего отъезда. А тогда она с дочкой пошла к нашим друзьям и вечером того дня уехала в Ленинград.

А в Москву из Ленинграда приехали проводить нас брат Марка Ароша, его сын Лева, сестра Марка Рая с мужем Сережей, племянник Жорж.

Сначала проводили Жоза с семьей 1 августа 1978г., а мы улетели 4 августа 1978г. Нам сказали, что лучше лететь отдельно, чтобы не объединили в одну семью. Жоз приехал в Ригу с довольно большим количеством вещей. Но они часть раздали на взморье, часть оставили в Риге, в Москве, в Вене и Риме, и в Нью-Йорк приехали с двумя чемоданами, постельным мешком, двумя детьми и с собачкой Джиной.

На этом я прерву свои воспоминания о своей семье и перейду к описанию следующего брата Марка, по старшинству пятому – Леве.